

Константин Труфанов

**ПРОТОКОЛ
317**
★
**МОСКОВСКИЙ
СЕКТОР**

ХРАНИТЬ ВЕЧНО
ДЕЛО № 317
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

18+

Константин Труфанов

Протокол 317.

Московский сектор

<https://litres.ru/74570819>

SelfPub; 2026

Аннотация

У входа в московский ресторан убит банкир. Один точный выстрел. На груди — белая шахматная ладья.

Следователь Олег Серов узнаёт знак «Протокола 317». Расследование, начатое в Петербурге, продолжается в Москве. В распоряжении Серова есть список будущих целей — и первое имя в нём уже стало делом об убийстве.

Вместе с капитаном Назаровым и журналисткой Анной он ищет исполнителей московского сектора. Каждый получает досье, в котором вина очередной жертвы выглядит бесспорной. Но кто отбирает доказательства и решает, кому жить?

Пока следователи проверяют сведения, сеть готовит новые задания. Чтобы предотвратить следующий выстрел, нужно добраться до тех, кто превращает желание справедливости в приказ убивать.

Вторая книга цикла. Продолжение романа «Протокол 317».

Содержание

ГЛАВА 1. МОСКОВСКИЙ ТРАНЗИТ	4
ГЛАВА 2. НАБЛЮДАТЕЛЬ С ОПТИКОЙ	30
ГЛАВА 3. ГОСТЬ С ЮГА	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Константин Труфанов

Протокол 317.

Московский сектор

ГЛАВА 1. МОСКОВСКИЙ ТРАНЗИТ

В июле 2024 года Олег Серов вышел из ночного поезда на Ленинградском вокзале. Было восемь утра. Солнце уже нагрело платформу, и он сразу снял лёгкую куртку. Из Петербурга его вызвало убийство банкира на Большой Дмитровке: белая ладья на груди, первое имя из восстановленного списка. В дороге Олег несколько раз открывал фотографию, но к утру перестал — теперь ему предстояло сопоставить снимки с местом убийства.

В кармане завибрировал телефон. Олег поставил сумку между ног, прочитал сообщение от Анны и ответил: «Доехал». На обратной стороне билета был записан номер Назарова. Тот просил ждать у выхода.

В зале ожидания он задержался у киоска с кофе. Продавщица спросила, большой или маленький. Олег не сразу ответил: на экране снова открылась фотография банкира. Он

закрыл её и убрал телефон.

Кофе обжёг язык. Олег перехватил стакан за верхний край и пошёл к выходу, пропуская женщину с двумя чемоданами.

Назаров ждал у дверей. Невысокий, в джинсах и лёгкой куртке. Он посмотрел на сумку Олега, потом на лицо и шагнул навстречу.

— Серов?

— Да. — Олег переложил стакан, чтобы пожать ему руку.

— Капитан Назаров. Созванивались вчера. — Он забрал у Олега сумку. — Машина рядом.

— Сначала на Дмитровку? Потом завезу вас в гостиницу.

Машина Назарова — старая серая «Лада», без опознавательных знаков, но с мигалкой под лобовым стеклом — стояла на привокзальной площади. Они сели. Назаров за руль. Олег на переднее пассажирское. Двигатель завелся со второго раза, Назаров выругался сквозь зубы, и машина влилась в поток.

— Жарков Владимир Сергеевич, сорок восемь лет. Банкир, — сказал Назаров. — Один выстрел в голову. Стреляли со стороны дома напротив. Ночью проверили крышу.

— Ладья? — Олег открыл фотографию, которую получил перед отъездом.

— Белая. Та самая.

Олег увеличил снимок. В Петербурге фигуры оставлял Грачёв; Жуков помогал выбирать людей и следить за ними. Здесь сходство было очевидным, но оно ещё не указывало

на исполнителя.

— Записка?

— Две строки: «Первый из списка. Остальные — по графику». Похоже, напечатано на машинке. Бумага у экспертов.

— Ещё что-нибудь оставили?

— Пока ничего. Ревенюк обещал прислать результаты осмотра одежды. — Назаров пропустил перестраивавшуюся фуру. — У нас есть похожие дела за два года. В переписке исполнителя называют Стрелком. Лично его никто из допрошенных не видел.

— Стрелок?

— Да. — Назаров бросил на него быстрый взгляд. — Вы уже слышали о нём?

— Фамилии в наших материалах не было.

— В наших тоже. Связь через посредников. Даже те, кто давал показания, знают главным образом прозвища.

После смерти Светловой Олег какое-то время ждал, что сообщения на форуме прекратятся. Потом перестал проверять это каждое утро. Менялись адреса страниц, появлялись новые администраторы. Работа продолжалась.

— Когда вы узнали о нём? — спросил Олег.

— Два года назад нашли похожую фигуру возле убитого. Стали сопоставлять дела, вышли на переписку. Но сейчас у нас впервые есть список будущих целей. — Назаров взглянул на Олега. — Жаль, что первое имя проверили поздно.

У ресторана ещё оставалась лента. Тело увезли ночью; у

двери работали с участком, который закрыли от прохожих переносными щитами. Назаров представил Олега сотруднику у оцепления. Из приоткрытого окна ресторана пахло выпечкой. Кто-то внутри спорил, можно ли сегодня пускать посетителей.

Олег открыл снимки ночного осмотра. Жарков лежал возле входа, на боку, в тёмно-синем костюме. Потом тело повернули; на следующем снимке была видна белая ладья. Она лежала на груди, у сгиба пиджака. За плечом Олега проехал курьер на велосипеде и негромко выругался, объезжая щиты.

Олег поднял глаза на дом напротив. На схеме отмечали возможную позицию стрелявшего. С расстоянием и направлением выстрела работали специалисты; с тротуара он мог только прикинуть, что было видно из верхних окон.

Шесть дней до убийства.

Алексей Лисицын разложил досье на кухонном столе. Фотографии, копии документов, несколько газетных вырезок. На первой странице — Жарков Владимир Сергеевич. Лисицын читал, придерживая большим пальцем край листа. Когда дошёл до объяснений вкладчиков, отодвинул остывший ужин.

В следующие дни он наблюдал за Жарковым. Банкир появлялся у ресторана, разговаривал по телефону возле входа, однажды вернулся к машине за забытым пакетом. Из этих мелочей Лисицын складывал привычный ему распорядок. О том, что в нём могло оказаться случайным, он старался не

думать.

В вечер убийства Лисицын снова был в доме напротив. Жарков вышел из ресторана и остановился у входа. Телефон осветил его лицо. Лисицын узнал движение руки, которым тот поправлял воротник, и на короткое время увидел перед собой живого человека, а не фотографию из досье. Потом выстрелил.

Жарков упал у двери. Люди на тротуаре отшатнулись, кто-то побежал к нему. Лисицын убрал оружие. О дальнейших действиях он договорился заранее: фигуру и записку должен был оставить человек, которого координатор называл курьером. Лисицын не спрашивал имени. Ему хватало того, что выстрел был его.

Утро следующего дня. Большая Дмитровка.

— Ваш список совпал с нашим? — спросил Олег.

— Тридцать семь имён, — ответил Назаров. — Жарков первый. Остальные адреса проверяем.

— До людей уже добрались?

— Не до всех. Часть телефонов не отвечает, по нескольким адресам никто не открывает. Мы отправили людей повторно.

— Нужно проверить и места работы. Кто из вашей группы занимается списком?

— Сейчас дам номер. А вот и Ревенюк. Он осматривал одежду Жаркова.

К ним торопился мужчина лет тридцати с потёртым ди-

пломатом. На ходу он пытался застегнуть пиджак, хотя пуговица была оторвана. Увидев Назарова, поднял руку и чуть не налетел на столбик у тротуара.

— Я здесь. Простите, задержался в лаборатории.

У дипломата разошёлся замок. На асфальт выпали блокнот, несколько карандашей и пачка жвачки. Ревенюк присел, прижал крышку коленом и начал собирать.

— Блин! — Ревенюк бросился собирать вещи. — Я сейчас! Я всё соберу!

Олег посмотрел на Назарова. Тот стоял с каменным лицом.

— Он всегда такой? — тихо спросил Олег.

— С бумагами аккуратнее, чем с собственными вещами, — ответил Назаров. — Хотя всякое было. Я теперь прошу всё важное передавать через канцелярию.

— Хороший специалист?

— Находил то, мимо чего другие проходили. Сам увидите.

Ревенюк перетянул дипломат ремешком и протянул Олегу свободную руку.

— Антон Ревенюк. Вы же из Петербурга? Я читал заключения по вашим делам. Особенно по захоронению. Там ещё жетон нашли...

— Антон, — остановил его Назаров. — Что по Жаркову?

— Ночью на крыше нашли гильзу. Вот снимки и предварительные данные. Я вам звонил.

На фотографии возле гильзы лежала масштабная линей-

ка. В справке указали патрон 9 × 39 мм. Олег прочитал отметку об изъятии и фамилию сотрудника.

— Отпечатки?

— Исследование продолжается. Есть ещё волокно. Мелкое, тёмное. Пока не скажу, откуда оно.

Он показал увеличенный снимок.

— Что это?

— Может, с одежды. Его передали на отдельное исследование. Я не стал ждать заключения, хотел показать вам сейчас.

Назаров, стоявший рядом, только вздохнул.

— На месте работали в защитной одежде? — спросил Назаров.

— Да. Контрольные образцы тоже взяли, всё записано.

Олег отошёл к машине и открыл папку с копиями Катиных записей. Оригиналы остались в Петербурге. Нужный лист он отметил полоской бумаги.

«Слышала от тёти Тани: “московский сектор”. Говорит так, будто все должны понимать. Я спросила, кто решает. Ответила: “Не те, кто делает”. Значит, есть кто-то между ними. Нужно спросить дядю Володю».

Катя записала услышанное и оставила вопрос. Олег закрыл папку: за прошедшие тридцать шесть лет ответ не стал проще.

— Думаете, это он? — спросил Назаров, подходя.

— Кто?

— Стрелок.

— Не знаю. — Олег убрал тетрадь. — Но я хочу знать, кто он. И я хочу знать, почему он это делает.

— Для начала узнаем, где он был до выстрела. Наши проверяют входы в тот дом.

Олег убрал телефон.

— И кто подходил к Жаркову после. Фигура ведь оказалась на груди не сама.

У ресторана они задержались ещё на час. Сотрудники уточняли маршруты прохожих, сопоставляли записи камер. На одном фрагменте человек наклонялся над Жарковым, но лица не было видно. Определить, помогал ли он или что-то оставил, по этой записи пока не удавалось.

Ревенюк отозвал Олега к машине.

— По одежде есть ещё кое-что. Я привёз копию снимка.

Первую записку Олег уже видел. Второй лист был меньше, неровно сложен. Рядом на фотографии лежал раскрытый нагрудный карман.

— Этот нашли внутри. В складке кармана, под платком. При первом осмотре его не заметили.

Олег прочитал: «Следующий — Романов. Большая Садовая, 14. Через три дня».

Он сверил время съёмки. Записка могла относиться ко дню убийства, а не ко дню находки. Значит, оставалось меньше трёх суток.

— Откуда ты это взял?

— При осмотре пиджака в лаборатории. Бумага прилипла к ткани, снаружи её не было видно.

— Кто его туда положил?

— Пока неизвестно. Мог носить сам Жарков. Могли оставить при нём. Платок и бумагу исследуют отдельно.

Олег передал снимок Назарову. Тот уже набирал номер.

— Хорошо, что не стали ждать общего заключения.

Ревенюк коротко кивнул. Улыбка появилась и сразу исчезла.

Олег повернулся к Назарову.

— Найдите Романова сегодня. И выясните, когда он должен быть на Садовой.

— Группа уже едет. Связь с ним устанавливают.

— После звонка пусть не меняет маршрут без согласования. Нужно знать, где он находится.

Назаров отошёл поговорить. Ревенюк пытался снова защёлкнуть дипломат.

— Замок поменять не пробовали? — спросил Олег.

— Пробовал. Два раза.

— Может, третий будет удачным.

Ревенюк усмехнулся и затянул ремешок. Когда Назаров вернулся, он уже стоял с закрытым дипломатом и ждал.

На Петровке Олега сначала провели к руководителю группы. Тот уже просмотрел присланные из Петербурга материалы и хотел понять, что в них подтверждено, а что записано со слов Ковалёва.

Олег разложил копии.

— Здесь показания. Здесь переписка, изъятая отдельно. Сопоставление по датам в приложении.

— Сколько людей над этим работало?

Он перечислил направления проверки и фамилии ответственных. Руководитель внимательно слушал, иногда отмечая что-то на своём листе.

— Список вы увидели вчера?

— Свежую выгрузку — вчера. До этого было известно о канале обмена.

— Почему два месяца?

Олег объяснил последовательность работы. Ему не понравился вопрос, но он понимал, почему его задают. Назвать срок недостатком старания было бы проще, чем рассказать, что именно пришлось восстановить и проверить.

— Первому не успели, — сказал руководитель.

— Да.

Больше они к этой фразе не возвращались. Обсудили, с кем Олег будет работать, какие материалы ему передадут и какие решения нужно согласовывать. Назаров показал таблицу из тридцати семи строк. Возле каждой стояло время последнего контакта или отметка о том, что контакта пока нет.

Один мужчина оказался в отъезде. Другой не поверил звонку, потребовал направить письмо через секретаря. Женщина ответила, что об угрозах сообщает уже полгода и не

собирается в третий раз пересказывать всё незнакомому человеку.

— С ней кто сейчас говорит? — спросил Олег.

Назаров назвал сотрудницу.

— Она подняла старые обращения. Уже договорились о встрече.

На вопрос о Романове пока отвечали только проверенные адреса. По одному он давно не жил, по другому дверь не открывали. Телефон оставался недоступен.

— Последний подтверждённый контакт?

Сотрудник придвинул отдельный лист. Олег прочитал и вернул: сведения ещё уточнялись по времени.

Из соседнего кабинета донёсся раздражённый голос. Мужчина из списка приехал лично и требовал объяснить, почему его фамилия вообще оказалась рядом с фамилией Жаркова.

— Я с ним не работал, — повторял он. — У меня совершенно другой бизнес.

Назаров вышел к нему. Олег остался у двери, пока капитан объяснял, что список составили неизвестные и присутствие в нём не является обвинением.

— Тогда уберите.

— Из их списка мы вас убрать не можем. Можем проверить угрозу.

— Кто они?

— Устанавливаем.

Мужчина посмотрел на Олега.

— А он кто?

Назаров представил его. Это заняло минуту, затем пришлось начинать объяснение заново. Мужчина хотел понять, нужно ли отменять поездку, как говорить семье и кто будет отвечать, если новость попадёт в газеты.

Олег достал блокнот.

— Давайте по ближайшим двум дням. Что уже назначено?

— Я вам должен всё расписание отдать?

— Нам нужно договориться, как с вами связываться и какие меры вы готовы обсуждать с группой.

Мужчина долго смотрел на него. Потом снял очки, достал телефон и открыл календарь.

Разговор не сделал его спокойным. Но к концу он оставил ещё один контакт и согласился на следующую встречу. На выходе вернулся за забытыми очками.

— Семье сам скажу.

Назаров кивнул.

Когда дверь закрылась, Олег посмотрел на таблицу. Одно дело — прочесть тридцать шесть оставшихся имён. Другое — дозвониться, убедить, проверить адрес, найти человека, который не хочет, чтобы его искали. Возле одной строки уже пришлось исправлять номер квартиры.

Назаров пометил время.

— Вы в Петербурге со всеми так?

— Как?

— Сначала десять вопросов, потом знакомимся.

Олег убрал блокнот.

— Могу наоборот.

— Уже поздно. Пойдёмте, покажу кабинет.

По пути капитан остановился у окна, ответил на короткий звонок и сообщил, что будет занят до вечера. Олег не расслышал, кому. Назаров положил телефон в карман и без объяснений пошёл дальше.

Кабинет Назарова находился на третьем этаже старого здания на Петровке. Тесный, заставленный папками, с вентилятором, который гонял горячий воздух, но почти не давал прохлады. Запах дешевого кофе смешивался с запахом старой бумаги и пота. Стены были увешаны картами — Москва, область, схемы передвижений, красные и синие маркеры. Олег сидел за столом напротив Назарова. Ревенюк записывал номера материалов в блокнот. Олег поставил перед ним воду; тот поблагодарил, но не притронулся.

— Есть адрес, который стоит посмотреть, — сказал Назаров. — Бизнес-центр «Горизонт». В переписке координатора, Метронома, упоминался офис на пятом этаже.

— Вы проверяли?

— Дважды. После первого выезда изъяли компьютеры. На втором проверяли сообщения охраны. Там кто-то появлялся уже после того, как арендаторы съехали. — Назаров разложил фотографии. — Ключи оставались у нескольких человек.

Олег взял фотографии. Рассмотрел.

— Вы проверили жесткие диски?

— По части накопителей работа закончена, остальное ещё исследуют. На доступных данных ничего нового.

— А серверная?

— Пусто.

На фотографии сейф стоял открытым. На другом снимке, сделанном во время второго выезда, дверца была закрыта. Олег положил их рядом.

— Я хочу посмотреть сам.

— Основания для повторного выезда есть. Сейф тогда был пуст. Нужно выяснить, кто его закрывал.

— Тогда сверим оба осмотра на месте.

Назаров вздохнул. Он посмотрел на Ревенюка.

— Ревенюк, ты с ним.

— Я возьму прошлую опись и снимки. Сверим на месте.

— И сотрудника, который там работал, — добавил Назаров.

— Хорошо.

Олег взял папку. Ревенюк задержался у стола, проверяя, что убрал оба листа с фотографиями.

На лестнице Олег остановился. Он посмотрел на Ревенюка.

— Ты там раньше был?

— Нет. Только материалы смотрел. По фотографиям не всё поймёшь.

— Волокно скоро закончат?

— Позвоню в лабораторию, спрошу.

— Мне нужен результат, даже если ни с чем не совпадёт.

— Передам.

Они спустились на первый этаж и вышли на улицу. Стояла жара, даже в тени было больше тридцати. Олег снял куртку и перекинул ее через руку. Ревенюк, кряхтя, поправил дипломат, который разваливался на глазах.

— Тебе не кажется, что тебе нужно купить новый дипломат? — спросил Олег.

— Этот ещё послужит, — ответил Ревенюк и проверил застёжку. — Главное, не брать за ручку.

Они сели в старую «Ладу», которую выделили в отделе. Ревенюк долго выруливал из тесного ряда.

— Ты вообще водить умеешь? — спросил Олег.

— Умею. Просто сцепление здесь берёт непривычно. — Ревенюк подался вперёд, глядя в зеркало, и выехал со стоянки.

— Я заметил.

Дорога заняла больше часа. «Горизонт» стоял среди бывших заводских корпусов: старую административную башню облицевали стеклом, у входа поставили новые турникеты. Олег представился управляющему. Вместе с сотрудником, уже проводившим здесь осмотр, они сверили документы и поднялись на пятый этаж.

В коридоре пахло новым линолеумом. Олег остановился

у двери с номером 507.

— Здесь, — сказал он.

Дверь открыл управляющий. Офис почти опустел: стол, сейф, несколько кабелей у плинтуса. Компьютеры были изъ-
яты раньше. Ревенюк положил на стол копию прежнего про-
токола.

— Тогда его оставили открытым? — спросил он, указывая
на сейф.

— Да, — ответил сотрудник. — Внутри было пусто. Есть
снимки.

Управляющий принёс ключи, которые хранились у служ-
бы эксплуатации. Сейф открыли, зафиксировав его положе-
ние и состояние замка.

Внутри лежал один лист. Ревенюк наклонился прочесть,
не трогая бумагу.

На записке было написано: «Вы опоздали. Метроном».

Олег попросил сфотографировать лист и включить наход-
ку в протокол.

— Он знал, что мы придем.

— Значит, после первого осмотра сюда кто-то входил, —
сказал Ревенюк.

Управляющий принёс журнал посещений. Часть записей
относилась к мастерам, выносившим мебель. В одной строке
стояла неразборчивая фамилия и номер пропуска.

— С неё и начнём, — сказал Олег.

Сотрудник, проводивший первый осмотр, переписал но-

мер. На этот раз пустой офис дал им хотя бы человека, чьё появление можно было проверить.

Они вышли из бизнес-центра. На улице было ещё жарче, чем утром. Олег задержался в тени у стены, пока Ревенюк искал ключи.

— Что дальше? — спросил Ревенюк.

— Будем искать.

Они вернулись к машине. Олег достал телефон и набрал Анну.

— Ты можешь говорить?

— Да. Только я в редакции, у нас шумно. Подожди, выйду.

— Я на улице. Слушаю.

— Мне ответили по твоему запросу об открытых публикациях. Двое из списка связаны с одним и тем же фондом. Я ещё проверяю, случайность ли это.

— Что там?

— И нашла старое обсуждение Стрелка. Участники спорят, кто он. Один пишет, что служил с человеком, который так себя называл.

Олег попросил сохранить ссылку и переписку целиком.

— Там называют армейскую часть, — сказала Анна. — Но это может быть чужой рассказ. Никакой подтверждённой биографии пока нет.

— Откуда ты знаешь?

— Ветеранский форум, открытый раздел. Автор согласился поговорить, но просит время. Хочет сначала связаться

с бывшими сослуживцами.

— Сколько?

— Говорит, две недели. Я объяснила, что ждать столько нельзя.

— У нас нет двух недель.

— Сегодня ещё позвоню. И отправлю то, что есть, вашим, пусть проверяют параллельно.

— Что ещё удалось найти?

— Самое раннее найденное мной упоминание Метронома относится к 2018 году. Это не дата появления самого человека. Только запись, которую удалось сохранить.

— Ты знаешь его личность?

— Нет. Но в той переписке указан «Горизонт». Выясняю, кто тогда арендовал помещения.

— Мы уже были там.

— И что?

— Кто-то вернулся туда после осмотра. Оставил записку. Проверяем пропуски.

— Про список что-нибудь новое?

— Есть записка с адресом Романова и сроком. Её нашли в одежде Жаркова.

Анна попросила повторить адрес. Олег продиктовал.

— Он один из тридцати семи?

— Да.

— Его нашли?

— Ищут. Через Назарова работает группа. Я сейчас вер-

нусь к ним.

— Сообщи, когда будет известно. Я проверю его связи по публикациям.

— Ты всё успеваешь?

— Нет. Но редактор снял с меня текущие материалы.

Она помолчала. Олег слышал, как в коридоре кто-то поздоровался с ней.

— Я приеду. Через два дня.

— Не надо. Здесь опасно.

— Я уже согласовала командировку. У меня здесь источники, с ними нужно встречаться. И я хочу быть рядом.

Он хотел возразить, но передумал. Ему нужна была ее помощь. И, честно говоря, он хотел, чтобы она была рядом.

— Хорошо, — сказал он. — Приезжай.

— Я позвоню, когда выеду.

Олег закончил разговор. Ревенюк смотрел на него из-за руля, но ничего не спросил. Они вернулись на Петровку до вечерних пробок.

К вечеру Олег всё-таки добрался до гостиницы. Сумка с утра оставалась в машине Назарова. Он понял это уже у стойки регистрации, когда потянулся за документами.

Капитан привёз её через двадцать минут.

— Вы без смены белья собирались?

— Я собирался не забывать вещи.

— Москва исправит.

Они поднялись в номер. Кондиционер гудел, но прохлады

не давал. Назаров осмотрел пульт, нажал две кнопки, и гул изменился.

— Вот. Он грел.

Олег взглянул на выставленную температуру.

— Спасибо.

Назаров поставил сумку возле шкафа. На секунду задержался у окна, откуда было видно соседнюю стену.

— Романов пока не найден. Группа работает по новым сведениям. Я на связи.

— Я тоже.

Капитан уже взялся за дверь, когда Олег попросил остаться на минуту. Они уточнили, какие сообщения должны поступать ночью сразу, а какие можно оставить до утра.

— Если всё сразу, вы всё равно перестанете читать, — сказал Назаров.

Олег согласился. Он знал, как выглядит телефон с пятьюдесятью непрочитанными сообщениями, среди которых все помечены важными.

После ухода капитана Олег распаковал сумку. Положил рубашку в шкаф, затем достал обратно: на ней появилась складка поперёк груди. Утюга в номере не было. Он повесил её на спинку стула и пошёл в душ.

Анна прислала несколько ссылок и фотографию кота из двора редакции. Кот лежал на её сумке.

«Не выпускает в командировку», — написала она.

Олег увеличил фотографию, разглядывая её руку у коша-

чьего уха. Ответил на ссылки, потом вернулся к снимку и написал: «Билет купила?»

«Покупаю».

Он отложил телефон. За стеной работал телевизор. Впервые за день вокруг не было людей, которым он должен задать следующий вопрос.

Ревенюк вернулся домой позже. В прихожей горел свет, возле двери стояли маленькие сандалии, одна на боку. Он поставил их рядом, повесил пиджак и заметил оторванную пуговицу только тогда, когда Ирина спросила:

— Опять?

— Не опять. Та же.

— Я тебе новую положила.

— Где?

— На тумбочке. В блюдце. Три дня назад.

Он посмотрел на блюдце. Пуговица лежала рядом с ключом и детской заколкой.

Дочь выбежала из комнаты и сразу потребовала показать дипломат. Ей нравился ремень, которым отец его стягивал.

— Он сломался?

— Немного.

— Сильно.

— Есть такое.

Она попробовала открыть замок. Антон придержал крышку и забрал дипломат.

— Там рабочее. Давай потом.

Маша надулась.

— Ты всегда потом.

Он присел рядом с ней.

— Что хотела показать?

Она принесла рисунок. Внизу шла кривая надпись, одно слово перечёркнуто. Антон начал читать, но телефон в кармане завибрировал. Дочь замолчала.

— Подожди, — сказал он и увидел её лицо.

Звонок был рабочим. Он ответил, попросил прислать сведения и вернулся к рисунку. Маша уже показывала его матери.

Ирина посмотрела на него, не прерывая дочери. Антон сел рядом. На этот раз телефон положил в другую комнату.

Позднее, когда Маша уснула, жена пришила пуговицу. Он стоял на кухне, держа нитки, и рассказывал о приезде следователя. Олег показался ему слишком внимательным к оговоркам.

— А должен быть невнимательным? — спросила Ирина.

— Я не это имел в виду.

Она разгладила ткань.

— Ты сегодня как будто всё время ждёшь, что тебя позовут.

Антон пожал плечами.

— День такой.

Ирина протянула пиджак. Он надел его, проверил пуговицу и захотел рассказать ей больше. Вместо этого спросил,

как прошёл их день.

Она начала со сломанного лифта и записи к врачу. Он слушал, старательно запоминая время, когда должен будет забрать Машу. Потом попросил повторить. Ирина остановилась.

— Запиши.

Антон записал в телефон. Под семейной записью оставалось новое рабочее сообщение, которое он ещё не открыл.

Ночью он вернулся к дипломату. Разложил бумаги на краю стола, убедился, что ничего не перепутал, и убрал обратно. Старые знакомства не должны были вмешиваться в заключения — это правило он объяснял другим не один раз. Сейчас ему хотелось сначала убедиться самому, а уже потом говорить.

Из комнаты позвала Ирина. Антон выключил настольную лампу.

За день до убийства.

Лисицын сидел в доме напротив ресторана на Большой Дмитровке. Он не любил центр: слишком много людей, каждый мог остановиться или передумать в последнюю минуту. С ранней службы он привык ждать. Но тогда ожидание заканчивалось командой, после которой можно было вернуться к своим. Теперь возвращаться было не к кому.

В оптике появился Жарков. Белая рубашка, телефон, привычное движение руки к воротнику. Лисицын задержал на нём взгляд.

В досье говорилось о деньгах двухсот вкладчиков и двух женщинах, покончивших с собой. Были копии жалоб, поддержки из судебных документов и чьё-то заключение: Жарков купил решение. Лисицын не выяснял, кто написал последний лист. Его устраивало, что все бумаги складывались в одно обвинение.

На ухе — гарнитура. Голос координатора был сухим, безличным, как голос автоответчика.

— Цель на месте. Время — две минуты.

— Я вижу, — ответил Стрелок.

Координатора он знал только по голосу и сообщениям. Тот требовал отчёты, называл время, иногда менял цель. О себе не говорил. Лисицын перестал спрашивать после первого отказа.

В этот момент на террасу выбежала девочка. Маленькая, лет пяти, в розовом платье. Она что-то кричала, смеялась, тянула руки к телефону, который Жарков держал в руке. За ней бежала мать, извиняясь, но девочка уже оказалась у столлика банкира. Жарков улыбнулся. Погладил ребенка по голове. Стрелок замер. Его палец дрогнул.

— В чем дело? — спросил координатор.

— На линии дети, — сказал Стрелок.

— Это не входит в приоритет. Цель должна быть поражена в установленное время.

— Я сказал: на линии дети.

Координатор повторил его позывной. Уже без прежнего

спокойствия.

— Приказ не обсуждается. Выполняй.

Лисицын отвёл оружие. Девочка смеялась, мать подхватила её на руки. Он вспомнил, как собственная дочь просила не держать её за капюшон, когда они переходили дорогу. Ей тогда казалось, что она уже взрослая.

— Сегодня не будет, — сказал он. — Переносим.

— Это нарушение регламента.

— Я знаю. Но я не стреляю при детях. Это мое условие.

В наушнике некоторое время было слышно только дыхание.

— Исполнишь завтра. Но запомни: каждое отклонение — это риск. И ты платишь за него.

Лисицын снял гарнитуру. В 2001 году дочери было двенадцать, когда её сбила машина. Она возвращалась из школы и переходила дорогу на зелёный. Водитель уехал. Лисицын хранил папку с ответами из разных инстанций и помнил, как менялись подписи внизу писем. Он начал искать виновного сам. Потом ему стали приносить досье на других людей.

Вечером он вернулся в съёмную квартиру. Жарков остался жив, первое имя нового списка ещё не было зачёркнуто. Лисицын поставил чайник и забыл включить его. Только через несколько минут заметил, что сидит у пустой чашки.

На следующий вечер он убил Жаркова. Вернувшись, долго не открывал присланное сообщение. Тридцать шесть имён оставались в списке. Он мог закрыть ноутбук и уйти; вместо

этого передвинул чашку и сел ближе.

«Следующая цель — Глеб Романов. Большая Садовая, 14, квартира 7. Среда, 20:00. Метроном».

К сообщению было приложено досье. Лисицын прочитал о девушке, исчезнувшей в 2019 году. В составленном для него рассказе Романов был виновен с первой строки. Он стал просматривать приложения.

Под утро Лисицын лёг, не раздеваясь. Из соседней квартиры донёсся детский голос. Он сел, потом понял, что это телевизор, и снова опустился на подушку.

— Прости меня, — прошептал он в темноту. — Я не могу остановиться.

Ответ координатору уже был отправлен. Лисицын потянулся к телефону, посмотрел на короткое «Принято» и положил его экраном вниз.

ГЛАВА 2. НАБЛЮДАТЕЛЬ С ОПТИКОЙ

На следующее утро Олег пришёл на Петровку раньше семи. Назаров уже разговаривал по телефону. Романова по указанному адресу не нашли; машина оставалась во дворе, телефон был выключен. Олег сел разбирать материалы ночной проверки.

В гостинице он проспал около четырёх часов. На воротнике рубашки остался залом от подушки, и он всё время пытался его расправить. Перед ним лежали номера дел, список посетителей «Горизонта» и снимки записок. Он начал с того, что отметил уже проверенное.

— По волокну ответили? — спросил он, услышав в коридоре голос Ревенюка.

— Ещё нет. Но есть другое.

Ревенюк вошёл с распечатками. Дипломат он поставил возле стула, прежде чем протянуть бумаги.

— Связь со старыми делами. Посмотрите.

Назаров закончил разговор и подвинул второй стул к столу Олега. Ревенюк остался стоять, пока тот не предложил ему сесть.

— Так что ты там нашёл? — спросил Олег, возвращаясь к теме.

Ревенюк разложил перед ними два увеличенных изображения.

— След с места Жаркова сопоставили с неустановленными следами из других дел. Есть основания считать, что этот оставлен тем же пальцем.

Олег взял листок. На нём были распечатки двух отпечатков. Один — с места преступления. Второй — из базы данных.

— Кто это?

— Личность пока не установлена. След проходит по номеру дела 2005 года. Убийство в Петербурге.

Олег нахмурился. 2005 год. Петербург. Это было задолго до того, как он начал заниматься Протоколом.

— Какое дело?

— Убийство женщины. Её нашли в парке. Задушена. Дело так и не раскрыли. — Ревенюк говорил быстро, захлёбываясь. — Но самое интересное другое. Я нашёл ещё одно совпадение. Этот же отпечаток всплыл в 2010 году. В Москве. Опять убийство. Опять не раскрыто.

— И что это значит?

— По крайней мере, следы одного человека могут связывать эти места. Между первым делом и Жарковым девятнадцать лет. Но его роль в каждом ещё нужно установить.

Назаров подошёл ближе. Взял листок, изучил.

— Ревенюк, ты уверен?

— Подготовил материалы для независимой проверки. Вот

признаки, на которые опирался. Хочу, чтобы коллега посмотрел без моей подсказки.

— Но в базе нет имени?

— Это след с места преступления, не карточка установленного человека. Поэтому имени может не быть. Нужно поднять само дело.

Олег встал. Он подошёл к карте на стене. Москва была расчерчена на сектора, красные маркеры отмечали места убийств, синие — предполагаемые точки выхода. Он провёл пальцем по карте, останавливаясь на каждом маркере.

— 2005 год. Петербург. 2010 год. Москва. 2024 год. Опять Москва. — Он повернулся к Ревенюку. — Ты можешь проверить другие места преступлений? Там, где были шахматные фигуры?

— Запросы отправил. Сначала получим пригодные изображения и описи: где именно изымали, кто имел доступ к предметам.

— Тогда ищи.

Ревенюк кивнул и выбежал из кабинета. Через минуту он вернулся.

— Я забыл свои распечатки! — схватил их со стола и снова убежал.

Олег и Назаров остались вдвоём. За окном шумела Москва. Назаров вздохнул.

— Последние дни он сам на себя не похож, — сказал Назаров. — То приносит результат раньше срока, то пропадает

и не отвечает.

— Ты спрашивал, что происходит?

— Говорит, дома проблемы. Подробностей не даёт.

— Семья здесь?

— Здесь. Жена, дочь. Я предложил отпуск, отказался.

Олег посмотрел на оставленные распечатки. В правом верхнем углу стояла вчерашняя дата. Он собирался спросить об этом, когда зазвонил телефон.

— Я в Москве, — сказала она. — На вокзале. Встретишь?

Олег отодвинул бумаги. Она обещала приехать через два дня.

— Конечно. Я через полчаса буду.

— Хорошо. — В её голосе слышалась усталость, но и радость. — Я жду.

Он положил трубку и взял куртку.

— Я скоро вернусь.

— Анна приехала? — спросил Назаров с лёгкой улыбкой.

— Да.

— Езжай. Я свяжусь с группой по Романову.

На лестнице его догнал Ревенюк.

— Ещё один номер. Только пришёл ответ.

— Что там?

— Дело 2002 года, Петербург. Шахматных фигур не было. Сравнение предварительное, нужно получить оригинальные снимки.

Олег прочитал номер и сфотографировал лист.

— Передай Назарову. Пусть запросят вместе с остальными.

— Вы сами посмотрите?

— Когда вернусь. А пока нельзя задерживать запрос.

Ревенюк сложил лист пополам. Олег попросил оставить копию у него на столе.

— Хорошо, — сказал Ревенюк.

Олег дождался, пока он повернёт к кабинету Назарова, и пошёл вниз.

У Ленинградского вокзала пришлось оставить машину дальше, чем Олег рассчитывал. Он прошёл через зал к выходу с платформ и увидел Анну у колонны. Она сидела на чемодане, придерживая сумку на коленях. Когда он подошёл, встала и потянулась к нему.

Они обнялись. Анна на несколько секунд прижалась лбом к его плечу. Олег не стал сразу забирать чемодан.

— Ты быстро, — сказал он.

— Нашёлся билет на вчерашний поезд. Я и поехала. В редакцию уже написала.

— Сначала отвезу тебя в гостиницу. По дороге найдём завтрак.

Они вышли из вокзала. На улице было солнечно, но не так жарко, как вчера. Олег открыл дверцу машины, и Анна села на переднее сиденье. Он завёл двигатель и свернул к Садовому кольцу.

— Романова пока нет? — спросила она, пристёгиваясь.

— Нет. Адрес пустой. Есть связь со старыми делами, но пока без имени.

— А Метроном?

— Призрак. Мы нашли его офис, но он уже ушёл. Оставил записку.

— Значит, он допускает, что вы найдёте его след. Или кто-то хочет, чтобы вы так думали.

— Посмотрим по пропускам. Сегодня проверяют людей, которые входили после арендаторов.

— Я попробую узнать, кто вёл им бухгалтерию.

— Или понять, кто ими управляет.

На светофоре Анна закрыла глаза. Олег убавил радио. Когда машина тронулась, она открыла их и сказала, что не спит.

— Ты скучал? — спросила она.

Олег посмотрел на неё и снова на дорогу.

— Скучал.

— Я тоже. Всё собиралась позвонить. А потом думала: ты занят.

— Можешь звонить.

Анна положила руку ему на плечо, потом убрала. У гостиницы они долго не могли открыть багажник; Олег нажимал не ту кнопку на чужом брелоке. Она засмеялась, и он наконец тоже.

На Петровку приехали позднее. Для разговора с Анной Назаров выделил комнату, где она могла разложить свои материалы. Служебные документы Ревенюк принёс Олегу от-

дельно.

— Анна? Антон Ревенюк. Здравствуйте.

— Я вас представлял по телефону, — напомнил Назаров.

— Да, точно. Простите, замотался.

Анна предложила ему сесть, но Ревенюк сказал, что ненадолго.

— Олег просил поднять публикации о старых убийствах, — сказала она. — Мне нужны даты и места, которые можно использовать в поиске.

— Подготовил выписку. Без закрытых сведений, согласовал с Назаровым.

— Спасибо.

Анна записала номера газет, упомянутых в материалах. Олег остался рядом, пока они уточняли даты.

— Два дела в Петербурге, одно в Москве. Я поищу контакты журналистов, которые о них писали.

— А мы проверим, что сохранилось в самих делах, — сказал Назаров.

— Если там были интервью с родственниками, они могли запомнить что-то, чего нет в короткой заметке.

— Новые сведения передавайте группе. Людей нужно будет опросить.

Анна подняла голову. Она посмотрела на Олега.

— Начну с редакционных архивов. У меня остались контакты в Петербурге.

— Тогда за работу, — сказал Олег.

Анна открыла свой ноутбук. Ревенюк задержался возле двери.

— Если найдёте снимки с места тех убийств, попросите исходные файлы. Даже если их не печатали.

— Посмотрим, — ответила Анна, не отрываясь от экрана. Он ещё секунду постоял, словно собирался объяснить просьбу, но вышел. Олег вернулся к Назарову.

— Что ответили по Романову?

— Ночью не нашли. Поговорили с соседями: он уехал, вещи выносил сам.

— Список контактов проверяют?

— Да. Там есть женщина, Вера. По её адресу тоже направили людей.

— И прежние заявления на него поднимите. Если он боится не только нас, мог обратиться к кому-то из старых знакомых.

— Тогда нам нужно найти его раньше, чем Стрелок.

— Именно.

Олег взял папку с материалами выезда.

— Поеду с группой на Садовую. Обыск уже оформили?

— Да, — ответил Назаров. — Ревенюк выедет следом, закончит передачу материалов.

— Ему известен адрес?

— Известен.

Назаров назвал Олегу сотрудника, который встретит их в квартире.

В коридоре Анна проводила его до лестницы. На ходу передала бутылку воды, купленную у вокзала.

— Будь осторожен, — сказала она.

— Позвоню после, — сказал он.

Дом на Большой Садовой выходил окнами на шумную улицу. Во дворе было тише. Олег поднялся на третий этаж; у квартиры его ждал сотрудник группы. Снизу несколько раз позвонили в домофон. Соседка вышла на площадку и спросила, надолго ли приехала полиция.

Квартиру открыли в ходе обыска. Олег вошёл после первичной фиксации. Романов вывез многое, но комнаты не были пустыми: у стены стоял диван, в спальне лежало скомканное бельё, на кухне осталась посуда.

В прихожей висели две куртки. Олег отметил их, не пытаясь угадать по стоимости, надолго ли уехал хозяин. В спальне на тумбочке стояла фотография Романова с женщиной. Он попросил снять её крупно.

У окна на подоконнике сохранилась грязь. Снаружи вдоль стены проходила пожарная лестница. Олег отступил, оставляя место для осмотра. На площадке слышались голоса: подъехал Ревенюк.

Ревенюк вошёл, держа оборудование в служебном футляре. Дипломат оставил у сотрудника в коридоре.

— Назаров передал: Вера дома. Готова поговорить, но говорит, что давно его не видела.

Олег указал на фотографию.

— Это она?

— Похожа. Сравним с документами.

— Посмотри ещё подоконник. Там следы.

— Вижу. Не подходите пока ближе.

Олег вернулся в прихожую. Соседка рассказывала сотруднику, когда слышала шум в квартире.

— Я подожду в коридоре, — сказал он Ревенюку.

Ревенюк кивнул и начал работать. Он прошёлся по квартире, проверяя каждый угол, каждую поверхность. Он был сосредоточен, внимателен. В его движениях чувствовался профессионализм.

— Есть! — крикнул он через несколько минут. — Я нашёл след!

Олег подошёл к нему. Ревенюк стоял у окна в спальне, держа ультрафиолетовый фонарь.

— Два разных рисунка подошвы, — сказал Ревенюк. — Один крупнее. Есть земля и песок. Давность так не определю; сравним с обувью, если найдём.

— Второй человек помогал ему спуститься?

— Возможно. Но эти следы могли появиться и в разное время.

Олег посмотрел на наружную лестницу. Спуск вёл во двор, который плохо просматривался с улицы.

— Закончили здесь — поедem к Вере.

— Сотрудники уже ждут её ответа по телефону, — сказал Ревенюк. — Кутузовский проспект. Адрес у меня.

— Тогда едем.

Они спустились вниз. На лестнице Олег остановился. Почувствовал запах. Слабый, едва уловимый. Табачный дым. Свежий.

— Здесь кто-то курит, — сказал Олег. — Пусть спросят соседей, кого видели сегодня.

— Ты думаешь, кто-то приходил следить?

— Не исключаю. Но по дыму этого не узнаешь.

У машины Олег заметил мужчину возле соседнего подъезда. Тот смотрел в их сторону. Когда Олег повернулся к нему, мужчина достал телефон. Лица он толком не разглядел.

— Уезжаем, — сказал он.

Они выехали на проспект. Олег смотрел в зеркало. Человек не двинулся с места. Просто стоял и смотрел.

— Попроси группу обратить внимание на человека у второго подъезда.

— И что теперь?

— Если он остаётся, можно поговорить. Может, видел, как уезжал Романов.

Ревенюк передал просьбу. На первом перекрёстке им ответили: мужчина ушёл прежде, чем сотрудник успел к нему подойти.

— Вы думаете, это был Стрелок? — спросил он.

— Не знаю. Но приметы передай Назарову.

Они приехали на Кутузовский проспект. Дом был элит-

ным, с охраной на входе и камерами повсюду. Охрана связалась с Верой. Она согласилась их принять; Олег показал удостоверение и дождался, пока откроют проход. Они поднялись на нужный этаж. Олег нажал на звонок. Дверь открылась. На пороге стояла молодая женщина — лет тридцати, с идеальным маникюром и усталыми глазами.

— Вы из полиции? — спросила она. Голос был ровным, но Олег заметил, как дрожат её пальцы.

— Да. Мы ищем Глеба. Вы знаете, где он?

— Нет.

— Вы уверены?

— Я не знаю, где он. — Она повторила это слишком быстро. Слишком механически. Олег заметил, как она смотрит в сторону — на дверь спальни, чуть приоткрытую.

— Мы можем войти и поговорить?

Вера оглянулась в коридор квартиры.

— Можете. Только у меня немного времени.

— Постараемся не задерживать.

Она провела их в гостиную. На столе стояли два бокала. В одном оставалось вино; второй был пуст.

— Вы были не одна сегодня, — сказал он.

— Я была одна.

— Тогда почему на столе два бокала?

Она замешкалась.

— Я... я готовилась к приходу подруги. Но она не пришла.

Вера заметила его взгляд на дверь спальни.

— Там никого. Хотите, посмотрите.

Она сама открыла дверь. На подоконнике возле распахнутого окна был след подошвы. Ревенюк остановился у порога и спросил, можно ли его сфотографировать.

— Когда Глеб был здесь в последний раз? — спросил Олег.

Вера побледнела.

— Я не знаю, о чём вы говорите.

— Ему угрожают. Мы пытаемся его найти. Если он вам что-то сообщил, это может помочь.

Вера опустила глаза. Провела ногтем по краю бокала и убрала руку.

— Он сказал, что за ним охотятся, — прошептала она наконец. — Он сказал, что ему угрожают. Он боялся. Он попросил меня помочь ему спрятаться.

— Где он?

— Я не знаю. Он не сказал. Он просто ушёл. Сказал, что свяжется со мной, когда всё закончится.

— Он оставил номер, по которому с ним можно связаться?

Вера покачала головой.

— Я не знаю, куда он ушел. Честно.

— Он объяснил, почему не идёт в полицию? — спросил Олег.

Вера провела рукой по волосам, поправляя выбившуюся прядь.

— Сказал, что оттуда всё узнают.

— Кто?

— Те, кто его ищет. Я не спрашивала фамилии.

— Почему?

Она посмотрела на него с раздражением.

— Потому что он приехал ночью. Потому что я сама испугалась. Вы хотите, чтобы я разговаривала с ним как вы сейчас?

Олег отвёл взгляд от бокалов.

— Расскажите, что он просил сделать.

Он попросил Веру принести ему воду, затем найти старую сумку. Сначала он собирался остаться до утра, потом передумал. Телефон то включал, то выключал. Она спросила, не заболел ли он; он велел не задавать глупых вопросов.

— Он часто так говорил?

— По-разному.

Ответ прозвучал заученно. Олег не стал требовать определения их отношений. Попросил описать, что было дальше.

Вера достала ему одежду, которую он оставлял раньше. Спросила, нужно ли вызвать машину. Он отказался. Уходя, велел не говорить, что был здесь.

— Вам угрожал?

— Нет. Сказал, что я всё испорчу.

— Что именно?

— Не знаю.

Она поднялась, пошла к окну и остановилась на полпути.

— Я потом звонила. Он не взял.

— Когда?

Вера показала историю звонков. Олег попросил сохранить её вместе с сообщениями. Она смотрела на экран, не выпуская телефон из рук.

— Вы его защитите?

— Мы пытаемся найти его до того, как на него нападут.

— А потом?

Олег понял, что она спрашивает не только об угрозе. Он ответил, что прежние обстоятельства тоже проверяют. Вера прижала телефон к ладони.

— Он говорил, вы хотите всё на него повесить.

— В чём именно его, по его словам, обвиняют?

Она покачала головой. Он назвал только сведения, о которых мог спрашивать сейчас, без описания погибших и чужих показаний. Вера перебила:

— Я ничего такого не видела.

— Вы жили вместе постоянно?

— Нет.

— Тогда расскажите о том, что видели.

Она вернулась на диван. На запястье оставалась резинка для волос; Вера сняла её и стала крутить между пальцами.

Вечером перед его приходом она собиралась встретиться с подругой. Бокалы выставила заранее. Когда Глеб появился, написала, что планы изменились. Подруга обиделась.

— То есть второй бокал оставался пустым?

— Да. Я же сказала.

Олег посмотрел на Ревенюка. Они не стали делать из двух бокалов доказательство того, чего не проверили. Присутствие Романова подтверждалось уже рассказом самой Веры, а вещи на столе могли означать совсем другое.

— Подруга сможет подтвердить время сообщения?

— Сможет.

Вера назвала её. Потом спросила, можно ли пока не сообщать родителям. Олег объяснил, с кем потребуется поговорить по проверке. Решать за неё, что рассказывать семье, он не собирался.

— Он вернётся за сумкой? — спросила она вдруг.

— Разве не забрал?

— Другую. Здесь документы остались. Я не смотрела.

Она указала на шкаф, но Олег остановил её прежде, чем она вытащила вещи. Происхождение сумки и обстоятельства её передачи следовало зафиксировать. Вера согласилась дожидаться сотрудников, которые этим займутся.

Перед уходом она всё-таки спросила:

— Если он позвонит, что говорить?

— Что хотите. Нам важно, чтобы вы сразу сообщили о связи и не ехали на встречу одна.

Она впервые взглянула на него без прежнего раздражения. Ответ, который не требовал разыгрывать заученную роль, оказался для неё понятнее.

Олег достал визитку. Сведения Веры предстояло сопоста-

вить с тем, что сообщили соседи и охрана.

— Если он выйдет на связь — позвоните. Сразу.

Она взяла визитку обеими руками. Олег попросил также сохранить их переписку. На улице Ревенюк открыл футляр, проверяя, не забыл ли что-нибудь в квартире.

Позднее сотрудники сообщили о содержимом оставленной сумки: бытовые счета, страховые бумаги, старые копии документов. Сведений о нынешнем месте Романова там не оказалось. Полученное описали отдельно; поиск продолжался по контактам и сообщениям.

— Она лжёт? — спросил Ревенюк.

— Часть рассказала. Остальное проверим. Пусть охрана сохранит записи входа и выхода.

Анна тем временем поехала в редакцию, где договорилась посмотреть старые материалы о Романове. Знакомый журналист встретил её у проходной с чужим пропуском в руке, спохватился и вернулся оформлять свой запрос заново.

— У нас теперь всё строго.

— У вас всегда так говорили.

Он усмехнулся и позвал сотрудницу, которая могла их провести.

В маленькой переговорной не было окна. На стене висел экран с выключенным звуком, под ним стояла коробка с кабелями. Журналист положил ноутбук на стол и спросил, сколько времени у неё есть.

— Сколько потребуется.

— Тогда начнём с того, чего нет. Я не доказал, что он лично распоряжался деньгами фонда. Мне не дали документы. Статья получилась про связи и публичные мероприятия.

— Почему не продолжил?

Он посмотрел на неё.

— Потому что у меня были другие темы. И потому что два источника передумали говорить. Не только потому, что все куплены.

Анна кивнула.

— Я не это спросила.

— Обычно спрашивают это.

Они просмотрели публикацию, затем рабочую папку. Журналист разделял записи интервью и собственные предложения, но в старых заметках не везде было ясно, где заканчивается одно и начинается другое. Несколько фамилий он помнил только по имени.

— Эту строчку не бери, — сказал он. — Я сейчас уже не восстанавливаю, кто мне сказал.

Анна пометила её для отдельной проверки.

Фотографии с ужина лежали в другой папке. Сначала открылись отобранные для сайта: сцена, гости у стенда, общие планы. Затем журналист нашёл полный набор, который ему передал фотограф.

— Здесь их много.

— Давай все.

Пока файлы открывались, он спросил о Петербурге. Анна

ответила коротко. Ей не хотелось пересказывать подвалы и признания для подтверждения того, что её тема серьёзная.

— У вас там сейчас все пишут про сеть, — сказал он.

— Многие детали ещё проверяют.

— А читателю нужен человек, который за всем стоит.

— Мне тоже хотелось бы его найти.

— Не обязательно найти. Иногда достаточно показать, как он устроен.

Анна отодвинула чашку, которую ей принесли без просьбы.

— Я не хочу сначала придумать человека, а потом подбирать к нему бумаги.

Журналист поднял ладони.

— Ладно. Я понял.

На одном снимке Романов разговаривал с женщиной за столом. Анна увеличила изображение, затем открыла следующий кадр. Там фотограф сместился, и внизу появились таблички с фамилиями.

Она сверила имя с заметкой, которую Назаров разрешил использовать в открытом поиске.

— Вот этот. Есть ещё?

Журналист нашёл несколько кадров из той же серии. На одном мужчины не разговаривали, на другом смотрели в разные стороны. По фотографиям нельзя было понять, были ли они близко знакомы или просто сидели рядом. Но фамилия совпала с бывшим арендатором «Горизонта».

Анна попросила исходные файлы и контакт фотографа.

— Я ему сначала напишу.

— Хорошо. И уточни, снимал ли он их ещё где-нибудь.

Он отправил сообщение, пока она записывала происхождение подборки.

На выходе журналист спросил:

— У тебя здесь кто-то есть?

Анна не сразу поняла.

— Жить где есть?

— Есть. Гостиница.

— Я не только об этом.

Она посмотрела на него. Они знали друг друга давно, ещё по работе над темой, которая тогда так и не вышла.

— Есть, — ответила она.

Он кивнул.

— Тогда береги время. Командировка легко съедает всё остальное.

Анна хотела сказать, что он сам только что предложил посмотреть ещё три папки. Вместо этого поблагодарила за файлы.

В машине она позвонила фотографу. Тот подтвердил съёмку и согласился передать изображения в установленном порядке. Имя мужчины вспомнил по табличке, разговор не слышал. Анна записала и это.

На Петровку она вернулась с несколькими снимками и ответами на часть вопросов. Олега ещё не было. Она разложи-

ла материалы, отправила сведения группе и впервые за день закрыла глаза на несколько минут. Когда в коридоре слышались его шаги, открыла ноутбук.

Вечером они вернулись на Петровку. Анна позвала Олега в комнату, где работала.

— Я нашла кое-что, — сказала она.

— Что?

— Есть фотография с благотворительного ужина трёхлетней давности. Мне прислал её журналист, который тогда готовил материал о Романове.

На снимке Романов сидел за столом напротив мужчины лет пятидесяти. Внизу сохранилась дата. Анна открыла вторую фотографию из той же серии: на ней были видны таблички перед гостями.

— Валентин Ершов. Его фамилия есть среди бывших арендаторов «Горизонта». Назаров просил обратить на неё внимание.

— Известно, о чём они говорили?

— Нет. Снимок этого не расскажет. Но знакомство можно проверить.

Олег подошёл к экрану.

— Может быть, Романов был частью Протокола.

— Или они знали друг друга по прошлым делам.

Олег повернулся к Анне.

— Мы должны найти Ершова. Быстро.

— Адресные сведения проверяет группа. Я передала

снимки.

— Нужно быстрее.

Анна закрыла окно с фотографией и посмотрела на него.

— Я делаю всё, что могу.

— Я знаю. Прости. Я просто устал.

— Я тоже. — Она повернулась к компьютеру.

Олег сел рядом. Анна продолжила разговор с редакционным архивом. Он молчал, пока она записывала фамилию фотографа.

Через час Назаров сообщил, что установили адрес Ершова в Коммунарке. По нему направили группу.

— Он там?

— Проверяют.

Олег поднялся. У двери остановился.

— Спасибо, Анна.

— За что?

— Я на тебя зря сорвался.

Анна кивнула.

— Да. Зря.

Назаров вышел в коридор. В его руках была папка с новыми документами.

— Сохранили новое сообщение в переписке координатора. Ершову назначена встреча сегодня в восемь. Старый парк на юге Москвы. Подпись — Ретрик.

— Тогда нам нужно быть там раньше, — сказал Олег.

— Группа выезжает. Адрес в Коммунарке тоже оставим

под наблюдением.

Олег посмотрел на часы. До восьми оставалось чуть больше двух часов.

— Тогда едем.

К парку подъехали заранее. Июльский вечер был ещё светлым; по аллеям гуляли люди, у пруда катались на самокатах. Олег и Назаров оставались в машине, пока сотрудники занимали места возле предполагаемой точки встречи. При задержании решили не перекрывать аллеи раньше времени.

— Он придёт? — спросил Олег.

— Неизвестно. Подпись можно подделать. Посмотрим, кто появится.

— А если он узнает о засаде?

— На такой случай тоже договорились. Но людей в парке много, действовать будем осторожно.

Около восьми появился человек с портфелем. Он прошёл до скамейки, посмотрел на часы и сел. Голову прикрывала кепка, лицо было видно сбоку.

— Ершов, — прошептал Назаров. — Он один.

Человек сел на скамейку. Он ждал. Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать.

— Встречающий опаздывает, — сказал Олег.

— Ещё подождём?

— Подходим. Ершов может уйти. Второго пусть продолжают ждать.

— Давай.

Олег вышел из укрытия. За ним — Назаров и оперативники. Человек на скамейке поднял голову.

— Тихо, — сказал Олег. — Руки вверх.

Человек положил портфель на землю и медленно поднял руки. Когда подошли ближе, Олег узнал лицо с фотографии. Ершов.

— Вы арестованы, — сказал Олег.

Ершов улыбнулся. Спокойно, уверенно.

— Я знал, что вы придёте. Я ждал вас.

— Вы знали?

— Да. Ретрик предупредил меня. Он сказал, что это засада. Но я всё равно пришёл.

— Зачем?

— Чтобы сдать ся.

Олег попросил его не опускать руки. Сотрудник забрал портфель.

— Вы сдаётесь?

— Да. Я больше не хочу ждать, когда придут за мной.

— Почему?

— Мне перестали отвечать. Потом сказали прийти сюда одному. Я решил: либо здесь будут ваши, либо мои. Лучше ваши.

На Ершова надели наручники. Он спросил, куда его повезут и сможет ли позвонить адвокату.

— Вы знаете, кем я был?

— Я остановил одного человека. Не систему.

— Я координировал передачи. Через меня шли адреса. Если начну говорить, сможете выйти на остальных.

— Но не умрёт.

— Поэтому я и пришёл. Мне нужно, чтобы вы успели.

Олег передал его конвою.

— Уведите его.

Ершова увели к машине. Олег остался ждать сообщения от сотрудников, наблюдавших за подходами. Второй участник встречи не появился.

— Говорит, что он Метроном, — сказал Назаров.

— Мы взяли того, кто называет себя Метрономом. — Олег покачал головой. — Я не уверен, что это настоящий Метроном.

— Почему?

— Нужно установить, к каким сообщениям он имел отношение. Имя мог использовать и не он один.

— Или он действительно устал.

— Может быть. В любом случае проверим его рассказ.

Из парка выехали, когда уже начинало смеркаться. Олег позвонил группе, которая искала Романова. Новостей не было.

В своей съёмной квартире Лисицын держал фотографию дочери. Он достал её из внутреннего кармана сумки, хотя обещал себе не брать личных вещей. На обороте было написано её рукой: «Папе». Завтра он должен был убить Романова. Лисицын провёл большим пальцем по подписи и убрал

снимок.

Сообщение о переносе задания не пришло. Он выключил свет, оставив телефон рядом с кроватью.

ГЛАВА 3. ГОСТЬ С ЮГА

После задержания Ершова Олег вернулся в отдел, но вскоре снова выехал. Поиск Романова продолжался. Город уже гасил витрины; на заправке у съезда с кольца мыли пол перед кассой. Олег остановился купить воды и позвонить группе.

Ревенюк ехал с ним. Он обещал закончить работу час назад, но, увидев, что Олег собирается, молча взял футляр с оборудованием. Теперь сидел, повернувшись к боковому стеклу.

— Домой не надо? — спросил Олег.

— Пока нет. Я всё думаю о Вере. Она ведь могла знать, куда он ушёл.

— По чему судишь?

— Сначала говорила, что не видела его. Потом рассказала про просьбу спрятаться. Не хотела выдавать всё сразу.

— Бойтся за него.

— Или его. Она всё время ждала, что скажет лишнее.

Олег поставил бутылку в подстаканник. Вернуться к разговору с Верой всё равно придётся; важно было не заставить её окончательно замкнуться.

— У неё остался телефон группы. Если он позвонит, надеюсь, она передаст. Остальными контактами занимаются сотрудники.

— А если нет? — спросил Ревенюк. — Если он уже ушёл?

Если он сорвался с места и теперь его не найти?

— Будем проверять тех, у кого он мог остановиться. Список уже есть.

Машина нырнула в тоннель. Свет фар выхватывал из темноты бетонные стены, влажные от конденсата. Олег собирался вернуться в отдел, когда телефон завибрировал. Он лежал в подстаканнике, и вибрация разносилась по салону гулким дребезжанием. На экране высветился номер Назарова. Олег нажал кнопку громкой связи, не сбавляя скорости.

— Слушаю.

— Серов, у нас новая вводная, — голос Назарова был напряжённым, но не паническим. — Только что поступил звонок в дежурную часть. Женщина. Назвалась Верой Петровной. Сказала, что знает, где находится Глеб Романов.

Ревенюк выпрямился.

— Вера? Та самая? — переспросил Олег, хотя знал ответ.

— Похоже на то, — ответил Назаров. — Он в бывшем общежитии недалеко от улицы Паперника. Она обещала прийти к нему и испугалась. Теперь просит забрать его, пока не нашли остальные.

— Сама предложила забрать его?

— Да. Просила, чтобы мы приехали раньше, чем его найдут остальные. С ней разговаривает сотрудница, уточняет подробности.

— Она дала точный адрес?

— Да, с ней уточнили. Пришлю. Пятый этаж, комната 504.

По её словам, оттуда можно выйти на чердак.

Олег попросил прислать и схему подъезда. В незнакомом квартале адрес сам по себе мог ничего не дать.

— Мы выезжаем, — сказал Олег, уже перестраиваясь в правый ряд, чтобы съехать с кольца. — Сколько людей у нас есть?

— Группа уже собирается. Будем примерно через полчаса. До нашего приезда не заходите. Неизвестно, кто ещё внутри.

— Мы будем через двадцать, — ответил Олег и сбросил звонок.

Олег перестроился к съезду. Впереди резко затормозила машина; он успел остановиться, и вода выплеснулась из открытой бутылки на консоль.

— Спокойнее, — сказал Ревенюк, придерживая футляр. — Нам до него ещё доехать надо.

Олег отпустил руль одной рукой и вытер мокрую ладонь о брюки.

— Не зря же Назаров сказал ждать.

— Слышал, — ответил Олег. В следующий ряд он ушёл уже без спешки.

В старом общежитии Глеб Романов проверял телефон. Вера давно не отвечала. Он несколько раз начал набирать сообщение, стирал и снова смотрел на часы. Из коридора доносился стук незакрытой двери. Романов вздрагивал каждый раз, хотя уже знал, откуда звук.

Бывшее общежитие стояло за гаражами. В нижних окнах не было стёкол, выше темнели сохранившиеся рамы. Возле подъезда лежали свежие упаковки от еды.

Олег остановил машину за углом. Заглушил двигатель и вышел, стараясь не наступить на стекло. Посмотрел на пятый этаж: окна были тёмными.

— Ты уверен, что он там? — спросил Ревенюк.

— Проверим. Одних её слов недостаточно.

— Или она хочет, чтобы мы его взяли, потому что сама боится, что он сделает что-то глупое и подставит её.

— Может быть. Главное сейчас — найти его живым.

Через десять минут подъехала группа Назарова. Он показал схему, которую успели получить через сотрудников района. План был старый; фактические проходы предстояло проверить на месте.

— По словам Веры, он на пятом. Входов несколько. Сначала убедимся, что пути выхода под наблюдением.

Назаров распределил сотрудников. Олег остался с той частью группы, которая поднималась к комнате Романова.

— Ревенюк, дожись вызова, — сказал Назаров. — Сейчас пойдут оперативники.

Антон хотел возразить, но посмотрел на тёмный подъезд и кивнул. Футляр поставил рядом с машиной, сам остался стоять у открытой двери. Олег запомнил, как быстро исчезла его обычная суетливость.

По связи подтвердили готовность. Назаров ещё раз напом-

нил, что Романов может быть напуган и не сразу понять, кто пришёл.

— Есть, — раздалось в ответ.

Олег проверил связь и дождался сигнала от сотрудников впереди.

— Идём, — сказал он.

В подъезде пахло сыростью. На нижних ступенях лежал мокрый матрас, дальше проход был свободен. Наверху стукнула дверь. Олег остановился, прислушался и продолжил подъём вслед за сотрудником.

На площадках проверяли открытые проходы. Из глубины здания тянуло холодным воздухом, хотя снаружи было душно.

Голос слышали на пятом этаже. Он доносился из комнаты в конце коридора. Олег ещё не знал голоса Романова; сверил номер на двери — 504.

— Вера, ну ответь. Я слышал кого-то внизу. Не знаю кто. Ты обещала...

Он замолчал, потом заговорил снова, уже без обращения: — Куда теперь идти?

Олег представился из-за двери. Внутри что-то упало.

Когда дверь открыли, Романов стоял у стены. Телефон лежал возле матраса. Он прижимал руки к груди, словно пытался спрятать их под расстёгнутую рубашку.

— Не стреляйте. Я ничего не сделал. Я сдаюсь.

— Глеб Романов, — сказал Олег, стараясь говорить спо-

койно, хотя внутри всё кипело. — Спокойно. Мы из полиции. Мы пришли, чтобы защитить тебя.

Он опустился на край матраса. Несколько раз попытался вдохнуть глубже и не смог.

— Заберите меня. Только отсюда заберите. Он знает, где я.

— Кто «он»? — спросил Олег, приседая перед ним.

— Стрелок. Вы знаете про него? Вера сказала, что вы знаете.

— Ты видел его? — спросил Олег. — Ты знаешь, как он выглядит?

— В окне напротив был человек. С чем-то... с оптикой. Я решил, что это он. Лица не видел.

Сотрудники проверили комнату и проход за ней. Олег присел на корточки перед Романовым, оставляя между ними расстояние. Тот всё время переводил взгляд с него на дверь.

— Поедешь с нами. Сейчас тебя осмотрит врач. Дальше решим, как обеспечить защиту. Нам понадобятся сведения о тех, кто тебе угрожал.

Романов кивнул, но не поднялся.

— Я скажу. Только не везите туда, где они смогут прийти.

Когда Романов попытался встать, нога подвернулась. Сотрудник поддержал его под локоть. Он испугался прикосновения, потом схватился за рукав и уже не отпускал.

— Уведите его, — сказал Олег.

После того как Романова вывели, вызвали Ревенюка. Олег

показал ему блокнот возле матраса. На открытой странице были несколько строк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.